

УДК811.112.2'373:811.161.1'373

ББК Ш141.12-3+Ш143.24-3

М. Л. Алексеева

Проблемы выделения безэквивалентных лексических единиц

Аннотация: в данной статье осмысляются общие и специфичные проблемы выявления безэквивалентной лексики в паре языков «русский – немецкий».

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, проблема выделения безэквивалентов, языковая пара «русский – немецкий».

Освещая проблемы двуязычной переводной лексикографии, В. Д. Девкин подчеркнул, что безэквивалентная лексика по-прежнему упускается из виду в учебной и переводческой практике [Девкин 2005: 37]. Единиц, обозначающих специфичные структуры и явления, меньше, чем универсальных. Однако их наличие уже само по себе является достаточным фактом, подтверждающим необходимость и целесообразность их изучения и фиксации в двуязычных словарях. В данной статье проблематизируются дискуссионные аспекты выявления этого слоя лексики.

Согласно исследованиям В. Г. Верещагина и Е. М. Костомарова, объем безэквивалентной лексики составляет 6–7 % от общего количества активно употребляемых русских слов по сравнению с другими европейскими языками [Верещагин, Костомаров 1976: 83]. И многие отечественные и зарубежные ученые ссылаются на эти цифры [Мечковская 2000: 50; Тер-Минасова 2000: 49; Пугачев 2011: 19; Тетеряникова 2009: 334; Abendroth-Timmer 1998: 119; Brunzel 2002: 128]. Однако безэквивалентные отношения не существуют как неподвижная монада. В. Г. Верещагин, и Е. М. Костомаров рассматривали отношения эквивалентности/безэквивалентности между единицами европейских языков во второй половине XX столетия. Словарный состав любого языка подвижен и открыт: сама лексика и значения слов изменяются со временем, идет активный процесс заимствования, некоторые безэквивалентные наименования новых понятий и явлений фиксируются словарями, другие устаревают и выходят из активного употребления, активизируются различные словообразовательные модели, идут процессы переосмысления. Любой перечень безэквивалентных единиц – синхронный срез лексики, который актуален для конкретного периода развития языка, точнее, двух конкретных языков. Это означает, что результаты исследования в конкретной языковой паре (например, рус-

ский => немецкий) нельзя использовать не только относительно других языковых пар (например, русский => украинский или китайский => немецкий), но даже относительно другого направления перевода (например, немецкий => русский), а тем более для выводов о всех европейских языках. Таким образом, немецко-русские безэквиваленты будут отличаться от русско-немецких и по составу, и по количеству, причем оба показателя изменчивы во времени.

Также дискуссионным вопросом остается трактовка содержания понятия «безэквивалентная лексика». Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров включают в этот слой только единицы с национальной спецификой, такие слова и словосочетания, как *сельсовет*, *воскресник*, *гармошка*, *народоволец*, и т. п. Они не рассматривают другие типы безэквивалентов, в частности, вызванные системными и структурными расхождениями в двух конкретных языках, фактором времени, несовпадением членения реальности разными языками, которые могут составлять существенную часть этого слоя лексики.

Отметим, что типологические расхождения подробно описаны в сопоставительных типологиях русского и немецкого языков. Укажем те из них, которые могут привести к установлению отношений безэквивалентности. В языковой паре «русский–немецкий» категория имени существительного является самой распространенной частью речи. Типологические признаки сходства в системе русского и немецкого существительного преобладают, различия связаны с составом категорий, их внутренним членением, средствами выражения и функционирования [Анохина, Кострова 2012: 80]. Так, например, большая выраженность аналитичности немецкого языка и флективности русского обуславливает расхождения в функционировании способов словообразования. Это проявляется в различной интенсивности действия общих для данных языков способов словообразования (словосложения, образования сложнопроизводных слов, образования сложносокращенных и усеченных слов, безаффиксного и аффиксального словопроизводства), неодинаковом количестве семантических моделей, конструируемых ими, различном отношении к синтаксическим возможностям выражения смыслов [Жених 2001: 164]. Специфичность исследуемых языков материализуется при выделении безэквивалентов, которые представлены следующими формально-структурными типами слов: сложными, сложнопроизводными, безаффиксными производными и аффиксальными производными словами [там же]. В немецком языке значительно продуктивнее словосложение, в русском – суффиксация. Данная типологическая особенность накладывает отпечаток на способы вхождения иностранных слов. Исследователи отмечают, что немецкий язык неохотно принимает чужие реалии, отдавая предпочтение калькированию путем словосложения при передаче даже таких иностранных терминов, как «*телевидение*» –

«*Fernseher*», «*телефон*» – «*Fernsprecher*» [Иванова 2004: 115]. Анализируя немецко-русские безэквиваленты, Е. Л. Жених подчеркнул, что «по своей продуктивности словослагательная система немецкого языка в несколько раз превосходит подобную русского, и потому в первом обнаруживается значительное число единиц, которым во втором отсутствуют готовые эквиваленты» [Жених 2001: 81].

Имя прилагательное в русском и немецком языках относят к именным частям речи. Значительные типологические различия лежат в области формоизменения. Краткая форма прилагательного совпадает с однокорневым наречием. Русское прилагательное и соответствующее качественное наречие передаются одним и тем же словом, поэтому составители словарей опускают наречия. В двуязычных словарях наречия фиксируются только в том случае, если их перевод имеет особенности по сравнению с переводом соответствующих прилагательных [Лейн 1989: 8]. Также не совпадает членение структурно-семантических классов внутри категории. В русском значительно шире по объему класс относительных прилагательных, что проявляется в большем количестве суффиксальных прилагательных, образованных от существительных: *поле – полевой, комната – комнатный*, которые в немецком будут передаваться не отдельными словами, а первым компонентом сложных существительных, например, *ледовый – Eis-*, не будучи собственно безэквивалентными. В немецком языке отсутствует подкласс притяжательных прилагательных, образованных от названий лиц и животных, соответствующие значения передаются генетивными сочетаниями или сложными словами, например, *папин галстук – Papas Halstuch, дедов характер – Großväter Charakter* или *волчий аннетит – Bärenhunger*, поэтому такие прилагательные не являются безэквивалентными. У русских прилагательных шире словообразовательный потенциал, что позволяет образовывать уменьшительные и увеличительные формы, многие производные (относительные) прилагательные, которые в немецком языке отсутствуют или могут передаваться первыми компонентами сложных слов.

В рамках категории глагола есть значительные структурно-семантические и функциональные расхождения. Основные различия глагола в русском и немецком языках касаются **видовременной** системы, которая отражает разные возможности восприятия категории времени. Так, глагольная приставка в русском языке всегда привносит идею темпоральной структуры, представляя действие как законченное, совершенное: *делать – сделать*. Отсутствующая в немецком языке категория вида частично компенсируется словообразовательными средствами.

Объектный признак, имплицированный в семантической структуре

русских субъектных глаголов³, часто эксплицируется отдельно стоящим словом, например, *шуметь* – *Lärm machen* / *делать шум* [Фефилов 1985: 42], поскольку в немецком языке отсутствует единица, возникают отношения безэквивалентности. Исследователи отмечают высокий процент безэквивалентных русско-немецких глаголов среди лексем, отражающих психическую (например, *робеть*, *суроветь*, *труситься*, *хмуриться*) и физическую деятельность (например, *хлопотать*, *промышлять*) человека. Такие глаголы снабжены приблизительным переводом в двуязычных переводных словарях. В основном используются замены большим количеством синонимических соответствий, которые вводятся без каких-либо пояснений через запятую [Исмагилова 1985: 61].

Безэквиваленты также выявлены среди глаголов других лексико-семантических групп: воздействия, например, *гноить*, *томить*; глаголов с семой «цвет», например, *серебриться*; глаголов, обозначающих прием пищи, например, рус. *закусывать*, *столоваться*; глаголов, обозначающих явления природы, например, *никнуть*, *рябить*, *густеть*; глаголов, обозначающих изменения в облике человека, например, *обрюзгнуть*, *остепениться*, а также глаголов, образованных от существительных, вызывающих определенные ассоциации, основывающихся на реальных свойствах денотатов, находящихся в основе этих глаголов, например, *горбатиться*, *ежиться*, *ручьиться* [там же].

Русской системе **формообразования** присущ более гибкий характер, что проявляется в разбиении на классы и обилии продуктивных и непродуктивных классов, многообразии формообразующих суффиксов инфинитива. В немецком языке система формообразования глагола отличается большим единообразием. Кроме того, вследствие большей аналитичности немецкого языка здесь преобладают вспомогательные глаголы, с помощью которых образуются аналитические временные и залоговые формы, которые могут отсутствовать в русском. Русский страдательный залог семантически и функционально беднее немецкого пассива. Функциональные различия отражаются в стилистике: в немецком языке пассив используется в деловой речи, разговорной речи, художественных текстах, а в русском – в основном в деловой речи [Крушельницкая 1961: 17]. Отсутствующие в немецком языке глаголы с пассивным значением передаются в русско-немецких словарях с помощью сочетаний прилагательного и инфинитива глагола *werden*, например, *дешеветь* – *billig werden* / *становиться дешевым*, *дорожать* – *teuer werden* / *становиться дорогим*, *пьянеть* – *betrunken werden* / *становиться пьяным* [Исмагилова 1984: 36].

³ Субъектные глаголы – это непереходные, обозначающие ненаправленное действие субъекта, занятость или изменение состояния, например, *дерзить*, *хмелеть*, *белеть*, *желтеть*.

Структурно-семантические классы глаголов совпадают, расхождения свойственны объему классов и их употребительности. Большая аналитичность немецкого обуславливает количественное преобладание вспомогательных и модальных глаголов, что компенсируется использованием связочных глаголов в первом случае и синонимичными формами категории состояния во втором, не приводя к безэквивалентности. Системные исследования в области фазисных и функциональных глаголов отсутствуют [Gladrow 1989: 386]. Некоторым глаголам присуща специфическая семантика, например, глагол *стать* сочетает признаки начинательности и качественного изменения в поведении объекта, в немецком языке аналог отсутствует, что затрудняет перевод [Анохина, Кострова 2012: 95].

Возвратность в немецком языке передается аналитически – местоимением *sich*, а в русском – синтетически – с помощью частицы *-ся*, которая является многозначной, выражая не только возвратное действие, но и взаимное (*они целуются*) и имманентное свойство предмета (*собака кусается*), поэтому в немецком языке часто передается не отдельным словом, а словосочетанием (*дурачиться – einen Narren spielen*), и возникают отношения безэквивалентности.

В русском языке шире представлено повелительное наклонение. Побудительная форма образуется с помощью частицы *-ка*: *поеду-ка, езжай-ка, поедем-ка, давайте-ка поедем*. Эквиваленты таким формам в немецком языке отсутствуют.

В немецком языке семиотика косвенности маркируется вводящим союзом и конъюнктивом, в русском языке релятивация выражается безэквивалентными частицами *якобы, мол, де*, транслируя оттенок отчужденности говорящего от содержания высказывания другого лица, причем степень отчуждения гораздо более сильная, чем в немецком [Анохина, Кострова 2012: 118].

Типологическое сопоставление лексики в данной языковой паре показывает, где могут возникнуть отношения безэквивалентности:

– при рассмотрении межъязыковой гипо- и гиперонимии: в системе имен кровного родства, например, рус. *шурин, свояк, дед, сват, сватья*; в членении времени, например, нем. *Vormittag, Spätnachmittag* [Зеленецкий 2004: 199];

– при рассмотрении синонимии / антонимии [Которова 1997 : 184]: отсутствуют эквиваленты прилагательных, которые являются формой компаратива, например, *старший* – □, *младший* – □; в немецком языке *älter / старший* – форма компаратива от слова *alt / старый*, а не отдельная лексема, поэтому не фиксируется словарями; способ фиксации прилагательных в переводных словарях: некоторые прилагательные русского языка передаются с помощью сложных слов, например, рус. *смуглый* – нем. *braun- / коричнево-, sonnen- / солнечно-*; различия в

лексическом составе: отсутствие лексемы, выражающей логически противоположные понятия, например, *hungrig* / *голодный* – *durstig* / *испытывающий жажду*; Немецкое слово *durstig* является случайным безэквивалентом в русском языке, оно может быть передано только описательным выражением, причем могут быть и стилистические случайные безэквиваленты: мужчина / Mann – женщина / Frau, в русском возможна и просторечная антонимическая пара: мужик / □ – баба / Weib; различия в установлении антономических отношений: отсутствие у лексемы одного из языков значения (лексико-семантического варианта), обеспечивающего вхождение в антонимическую пару, например: *белый* / *weiß* – *черный (платье)* / *schwarz (Kleid)*, *загорелый (цвет кожи)* / *gebräunt (Hautfarbe)*, □□(область) / *erforscht, bekannt (Gebiet)*; немецкое слово *weiß* безэквивалентно для русского в значении «такой, о котором имеются весьма скудные сведения или сведения отсутствуют совсем»; толковый словарь серии Дуден иллюстрирует его следующим примером: *auch die Tabakindustrie beliefert jetzt den Markt mit weißen Zigaretten* / *также и табачная промышленность поставляет сейчас на рынок сигареты непонятного происхождения* [Duden 1995 : 3880]; специфичной чертой русских синонимических рядов является уменьшительно-ласкательные цепочки: заяц – зайка – зайчик – зайчонок [Анохина, Кострова 2012 : 189];

– при рассмотрении сферы употребления, поскольку система функционирования немецкого языка богаче и разнообразнее русского, она включает национальный литературный язык, литературные варианты (австрийский и швейцарский), региональные (территориально окрашенные) обиходно-разговорные языки (баварский, гессенский, баденский и др.), полудиалекты, собственно территориальные диалекты; система русского языка включает национальный литературный язык, диалекты и говоры [Филиппова 2012: 93], что создает трудности при переводе вследствие отсутствия эквивалентов.

Наконец, дискуссионной остается сама методика сопоставительного изучения лексики двух языков с целью отбора безэквивалентной лексики.

Выявление отношений межъязыковой эквивалентности / безэквивалентности составляет задачу сопоставительных исследований, основополагающие идеи для которых дают многие новые направления лингвистической семантики [Которова 2007: 32]. Принципы и методы описания языков, представленные в рамках генеративной грамматики на основе синтаксического строя, применяются для изучения единиц другого порядка, в частности, легли в основу разработки теории семантической и концептуальной репрезентации лексических единиц М. Барвиша и Э. Ланга, позволив представить значение отдельного слова с помощью конфигурации элементарных семантических частиц

[Которова 1997: 34]. К. Бибок развивает это направление, анализируя межъязыковые соответствия с помощью контрастивного лексико-семантического анализа. Он констатирует, что расхождения семантического и концептуального представления значений более глубоко и точно проясняют структуры значений слов и могут дать основу исследования значений слов и моделей лексикализации в разных языках [Там же]. В рамках теории семантических признаков производится анализ содержания лексических единиц на основе структурных методов морфологии и фонологии: бинарных оппозиций, сопоставительного компонентного анализа. Сочетание методов компонентного анализа и анализа полевой структуры позволяет произвести анализ значения слов в лексико-семантических группах разных языков. Теория прототипов позволяет рассматривать варианты перевода в двуязычных словарях как члены прототипически организованной структуры, объединенные вокруг прототипического эквивалента с учетом степени их соответствия искомой модели.

Как отмечает Т. Н. Нифанова, исследования межъязыковых лексических параллелей последних десятилетий демонстрируют широчайший спектр научных интересов в этой области, высвечивая недостаточную теоретическую обоснованность самого сопоставительного метода изучения лексики, а также разработки принципов сопоставительных исследований, методики установления межъязыковых эквивалентов и безэквивалентов, процедуры и приемов отбора и обработки сопоставляемого языкового материала [Нифанова 2005: 3].

Межъязыковые сопоставления проводились на материале отдельных языковых фактов – безэквивалентных слов [Исмагилова, 1984], определенных типов безэквивалентной лексики – реалий [Анохина, 2002; Джахангири, Азар, 2003; Заборовская, 2002; Зубкова, 1994; Иванова, Левина, 2006; Осипова, 2003; Самситова, 1999 и 2006], безэквивалентов определенной части речи (англо-русских безэквивалентных имен существительных [Махонина, 2006], англо-русских безэквивалентных имен прилагательных [Петросян, 2011], англо-русских безэквивалентных глаголов [Суханова, 2012], безэквивалентов определенных периодов [Лапина, Пегушин, 1988], изучалась безэквивалентная лексика в конкретном произведении какого-либо автора [Дьяконова, 2003; Чикова, 2003], в лексико-семантических группах, синонимических рядах, антонимических парах [Kotorova, 2007], также рассматривались целые разряды лексико-фразеологической системы, включающие артефактивные наименования, соматизмы, единичные с компонентами цветообозначения, советизмы и постсоветизмы [Чанышева, 2006], денотативные классы [Нифанова 2005]. Ограниченность исследовательского материала проявляется в том, что межъязыковой анализ охватывает лишь отдельные слова, группы, ряды, классы либо единицы одной части речи, но не всю лекси-

ку двух языков, и соответственно отсутствуют методики системного анализа безэквивалентов. В настоящее время «все известные методики межъязыкового анализа лексических единиц отличаются терминологической неупорядоченностью базовых понятий, ограниченностью сферы применения группой языков» [Нифанова 2005: 9].

В качестве материала для контрастивного анализа избираются какие-либо лексические группировки: синонимические ряды или лексико-семантические группы, что обеспечивает исчерпывающий набор единиц для компонентного анализа, являющегося основным методом семантического описания при контрастивном анализе [Стернин, Чубур 2006: 48]. Методика контрастивного анализа не подходит для сопоставления лексических систем двух языков.

Недостаточная разработанность собственно теоретических вопросов межъязыкового сопоставления затрудняет решение ряда задач, стоящих перед переводоведением. По нашему мнению, без основательной теоретической проработки указанных выше узловых проблем развертывание исследования безэквивалентной лексики на современном уровне вряд ли возможно.

Процедура определения безэквивалентности единиц подразумевает, что в языке перевода отсутствуют эквиваленты и образуются лакуны. Обратимся к методикам установления межъязыковых лагун, разработанным в психолингвистике и лакунологии. Лексические лакуны выявляются путем анализа двуязычных словарей «в случае отсутствия в словаре компактного (однословного) эквивалента для лексической единицы одного из языков» [Марковина 2006: 16]. Однако признаки лагун представляются нам нечеткими. Лакуна трактуется как «пробел на семантической карте» одной культуры по сравнению с другой, такой пробел «приобретает статус **лакуны**, если отличие между “своей” и “чужой” культурами оценивается как “неправильное”, “плохое”, “странное”, “чуждое”, “неестественное”» [Там же]. Эти признаки недостаточны для выявления лексической безэквивалентности различной природы.

Важное замечание делает Н. А. Иванова, предлагая в качестве критерия выявления безэквивалентности уровень репрезентации лексических единиц: **аналогичный** (такой же, как у единицы исходного языка, то есть слово исходного языка передается словом на другом языке) – **неаналогичный** (описательный перевод). В качестве второго критерия рассматривается объем передаваемых релевантных значений исходного знака (в полном или неполном объеме). Такой подход позволяет выявить абсолютные безэквиваленты – лексические единицы, не зафиксированные словарями языка перевода, и относительные – единицы, представленные в словарях в форме краткого или развернутого описания, ряда близких соответствий, транскрипции или транслитерации, словом с более широким или более узким значением. Отме-

тим, термины «абсолютная» и «условная безэквивалентность» впервые были введены в работе Л. А. Исмагиловой [Исмагилова 1984: 23].

Следующей проблемой выделения безэквивалентных лексических единиц является выбор словарей. С целью проведения системного сопоставления русской лексики на фоне немецкого языка необходимы словари исходного языка, концепция которых основана на системной организации лексики. К таким лексикографическим разработкам относятся фундаментальные словари русского языка по частям речи: Большой толковый словарь русских существительных под ред. Л. Г. Бабенко, Большой толковый словарь русских глаголов под ред. Л. Г. Бабенко, Словарь-тезаурус русских прилагательных под ред. Л. Г. Бабенко, Толковый словарь служебных частей речи русского языка под ред. Т. Ф. Ефремовой, Объяснительный словарь структурных слов русского языка под ред. В. В. Морковкина.

С целью выделения русских безэквивалентов на фоне немецкого языка мы используем наиболее авторитетные русско-немецкие словари: Большой русско-немецкий словарь под ред. К. Лейна (Л), Большой русско-немецкий словарь под ред. М. Я. Цвиллинга (Ц), Русско-немецкий словарь под ред. И. Я. Павловского (П), PONS Standardwörterbuch Russisch (P), Wörterbuch Russisch-Deutsch von E. Daum und W. Schenk (D/S), а также толковые словари немецкого языка серии Duden: Deutsches Universalwörterbuch и Wahrig: Deutsches Wörterbuch. Мы разделяем мнение исследователей, утверждающих что большие двуязычные переводные словари (объемом 70–100 тыс. слов) отражают основные потенциальные соотношения лексических систем двух языков и могут играть роль практического эталона при экспериментальном сравнении и анализе отклонений лексических единиц, переведенных в различных контекстах [в частности, см. Сильников 1991: 77].

Следует отметить, что безэквивалентная лексика практически не маркируется в двуязычных словарях. Только в одном из словарей вводятся специальные пометы. М. Я. Цвиллинг использует двоеточие. Он поясняет в предисловии: «Если русское слово не может быть отдельно переведено на немецкий язык или составитель считает достаточным дать только некоторые случаи употребления данного слова, то после русского слова ставится двоеточие, после которого приводится нужное выражение» [Цвиллинг 2009: IX]. Например: парн||ной: ~ое мясо *frisches Fleisch*; ~ое молоко *kuhwarne [frischgemolkene] Milch* [Русско-немецкий словарь 2008: 362].

Выявленные критерии отбора безэквивалентных лексических единиц позволяют провести системный анализ лексики двух языков. Данная идея реализована нами при изучении русско-немецких безэквивалентов. Были отобраны единицы исходного языка, не представленные в двуязычных словарях (абсолютные безэквиваленты), а также не

имеющие однословного соответствия этого же уровня (относительные безэквиваленты). Относительные безэквиваленты передаются с помощью различных приемов перевода: описания, уподобляющего перевода (словом языка перевода с более узким или более широким значением, словом языка перевода с приблизительным значением, рядом приблизительных синонимов). Все отобранные лексические единицы систематизированы в Русско-немецком словаре безэквивалентной лексики [Алексеева 2015а, 2015 б].

Литература

Алексеева М. Л. Русско-немецкий словарь безэквивалентной лексики. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015а. – Том I. – 369 с.

Алексеева М. Л. Русско-немецкий словарь безэквивалентной лексики. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015б. – Том II. – 265 с.

Анохина С. П. Сравнительная типология немецкого и русского языков / С. П. Анохина, О. А. Кострова. – М.: Флинта, 2012. – 208 с.

Верещагин Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Высш. шк., 1976. – 248 с.

Девкин В. Д. Немецкая лексикография. – М.: Высш. шк., 2005. – 672 с.

Жених Е. Л. Особенности природы немецкой безэквивалентной лексики и ее влияние на перевод (с немецкого языка на русский): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04, 10.02.20 / Жених Евгений Леонидович. – М., 2008. – 179 с.

Зеленецкий А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков: учеб. пособие для студ. лингв. фак. вузов. – М.: Академия, 2004. – 252 с.

Зубкова Л. И. Безэквивалентная лексика в произведениях В. Шукшина о русской деревне // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1994. – С. 34-41.

Иванова Н. А. Сопоставительно-типологический анализ безэквивалентной лексики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Иванова Наталья Алексеевна. – М., 2004. – 258 с.

Исмагилова Л. А. Безэквивалентная глагольная лексика русского и немецкого языков (вопросы перевода русских художественных текстов на немецкий язык): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Исмагилова Лилия Асадуллоевна. – Калинин, 1984. – 165 с.

Которова Е. Г. Проблема эквивалентности в лексической семантике (на основе русского и немецкого языков): дис. ... д-ра филос. наук: 10.00.19 / Которова Елизавета Георгиевна. – М., 1997. – 346 с.

Лапина Л. Г. Безэквивалентная лексика при обучении иностранному языку как специальности / Л. Г. Лапина, Е. В. Пегушин // Лексиче-

ские аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности: сб. науч. тр. – Пермь: ППУ, 1988. – С. 28-34.

Марковина И. Ю. Элиминирование лакун как действие социально-психологических механизмов «притяжения» и «отталкивания» // Вопросы психолингвистики, 2006. № 3. – С. 12–34.

Махонина А. А. Англо-русский словарь русской безэквивалентной лексики. Существительное / А. А. Махонина, М. А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2006. – 300 с.

Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. – М.: АСПЕНТ ПРЕСС, 2000. – 206 с.

Петросян Ж. В. Англо-русский словарь русской безэквивалентной лексики. Прилагательное / Ж. В. Петросян, М. А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2011. – 127 с.

Пугачев И. А. Этнокультурный контекст изучения русской лексики во франкоговорящей аудитории // Вестник РУДН. – 2011. – № 2. – С. 17-25.

Русско-немецкий словарь / под ред. М. Я. Цвиллинга. 8-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык Медиа, 2008. – 788 с.

Самситова Л. Х. Реалии башкирской культуры. Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка. – Уфа: Китап, 2006. – 492 с.

Сильников А. Н. Передача информации и переводимость // Система и уровни языка. М.: Наука, 1969. – С. 221-232.

Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – М.: Восток-Запад, 2006. – 288 с.

Суханова О. В. Англо-русский словарь русской безэквивалентной лексики. Глагол / О. В. Суханова, М. А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2012. – 296 с.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

Фефилов А. И. Основы конфронтативного анализа лексики немецкого и русского языков. – Куйбышев: Пед. ин-т, 1985. – 80 с.

Филиппова И. Н. Сравнительная типология немецкого и русского языков. – М.: Флинта, 2012. – 140 с.

Цвиллинг М. Я. Мартин Лютер и его значение для переводоведения // О переводе и переводчиках. – М.: Восточная книга, 2009. – С. 69-80.

Чикова Т. В. Лексические заимствования в произведениях В. И. Даля (Казака Луганского): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чикова Тамара Васильевна. – Владивосток, 2003. – 27 с.

Abendroth-Timmer D. Der Blick auf das andere Land: ein Vergleich der Perspektiven in Deutsch-, Französisch- und Russischlehrwerken. – Tübingen : Narr, 1998. – 437 p.

Brunzel P. Kulturbezogenes Lernen und Interkulturalität: zur Entwick-

lung kultureller Konnotationen im Französischunterricht der Sekundarstufe I. – Tübingen: Narr, 2002. – 373 s.

Gladrow W. Russisch im Spiegel des Deutschen. – Leipzig: Enzyklopädie, 1989. – 317 s.

Kotorova E. Äquivalenzbeziehungen: Wort, Wortgruppe, Wortsystem. Eine vergleichende Studie Deutsch-Russisch. – Marburg: Tectum, 2007. – 201 s.